

Если уж Старая госпожа Ли совалась к ним воровать, Гоудань, в отличие от своего безропотного отца, спуска ей не давал. Он всегда улавливал момент, чтобы вернуть своё: утащить у неё яйца, стянуть с огорода кабачок, запустить руку прямо в её дымящийся котёл или попросту отколотить втихаря обоих её драгоценных внуков.

У старшего дяди первыми тремя родились девки, зато потом пошли близнецы — всего на год старше Гоуданя. Оба вымахали чернявыми да упитанными, но тощий Гоудань раз за разом ухитрялся устраивать им хорошую трепку. Стоило взрослым скрыться из виду, как эти двое начинали панически бояться Гоуданя: дрался тот отчаянно, не жалея себя, словно бешеный.

Завидев его на улице, братья со всех ног бросались домой или искали защиты у старших.

С маленьким Ван Сюанем их свела сама судьба. Гоудань своими глазами видел, в какой беспросветной нужде тот рос, и в какой-то момент — чёрт знает, что ему тогда в голову взбрело — решил взять его под крыло.

А-Сюаню и впрямь досталась горькая доля. Его мать вопреки воле родных сошлась с сосланным в их глушь представителем образованной молодёжи. Свадьбу сыграли скромно, жили как муж с женой, да только счастье длилось недолго. Стоило отцу получить разрешение вернуться в город, как он тут же бросил и жену, и сына. Мать Ван Сюаня позора и горя не вынесла — полезла в петлю, да и преставилась.

Так Ван Сюань остался сиротой при живом отце — лишним ртом, приемышем, которого дядя приютил с явной неохотой. Тётка же его, баба корыстная и злая на язык, и вовсе сживала мальчишку со свету.

Да только перечить тётке у мальчугана духу не хватало: заступиться за него было некому, ведь у него даже отца не осталось, тогда как Гоуданя всё же растил родной батя.

Ван Сюань рос круглым сиротой, а потому втайне восхищался безрассудной смелостью приятеля. К тому же Гоудань то и дело подкармливал его то печёным бататом, то ещё какой немудрящей снедью, так что А-Сюань тянулся к нему всей душой.

Деревенская детвора Гоуданя сторонилась. Мальчишки дразнили его, кричали вслед, что мать у него немая да гулящая, сбежала с кем-то, оставив приبلуду. Гоудань за такие слова бил наотмашь, без разбору, отчего дружбы с ним никто водить не желал. Вдвоём с таким же изгоем Ван Сюанем они быстро ладили. Оба сызмальства нахлебались горя и повзрослели куда раньше сверстников.

— Гоудань, ты опять бабку разгневал? Эх, сколько раз тебе говорено: она старшая, ты младший, уступать надобно.

Ли Сы, отец мальчишки, редко выдавал столь длинные речи. Просто он до смерти боялся, что сына однажды крепко выдерут — хоть и рос тюфяком, а за единственное чадо душа у него

болела.

— Да что я ей сделал? То, что ей делать нечего, кроме как выть да по земле кататься, меня вообще не касается!

Ли Сы авторитетом не пользовался и отцовского норова не выказывал: стоило сыну огрызнуться, как он тут же сдавался. Удивительное, конечно, зрелище.

В Сикани ведь как повелось: здешние мужики со своими сыновьями не церемонились. Не слушается малец — получи затрещину без лишних разговоров.

У Ли Сы же всё выходило шиворот-навыворот: он сам глядел в рот собственному сопляку.

С самого детства он привык подчиняться. Раньше во всём слушался властную матушку, теперь — помыкающего им сына.

Недотёпа, да и только. Неудивительно, что Старая госпожа Ли всегда вила из него веревки.

— В этом доме теперь я хозяин, так что делай, как велю, — отрезал малец. — С этого дня зерно, масло и соль — под моим присмотром. Придёт старуха клянчить — ничего ей не давай.

— Гоудань, но ведь она твоя бабка...

— Держи карман шире! Она Цзиньбао с Иньбао бабка, а мне — никто.

— Ну ладно, ладно... Хочешь сам хозяйничать — хозяйничай, — пробормотал Ли Сы, пасуя перед напором сына.

Прихлёбывая пустую, почти прозрачную овощную жижу, заменявшую им кашу, Гоудань напряжённо размышлял. В закромах мышь повесилась, долг перед производственной бригадой всё ещё висел мёртвым грузом, а тут ещё батя прошлой осенью умудрился отдать остатки зерна материнскому семейству. Тогда они с отцом чуть богу душу не отдали с голодухи.

В этот раз Гоудань такого не допустит. Сразу после летней жатвы всё зерно, деньги и талоны, что им причитаются, он заберёт себе. Отец пусть знает работает в поле да зарабатывает рабочие баллы, а распределять добро — не его ума дело.

Деревенские кумушки судачили, мол, Гоудань растёт непутёвым да невоспитанным, и строго-настрого запрещали своим отпрыскам водиться с ним, дабы те не набрались дурного. И в чём-то они были правы: уму-разуму мальчишку учить было некому, выживал как умел, пробивая дорогу лбом.

Понятия о добре и зле у него были смутными. Твёрдо он усвоил лишь одно: спуска никому не давать и, если надо, лезть на рожон. Соседи, видя, как сирота бьётся вместе со слабохарактерным отцом, порой жалели мальчишку и не связывались с ним лишний раз. Но искренней любви к нему никто не питал. Взрослые судили по выгоде, а ребятня тянулась туда, куда указывали родители.

Жизнь трепала его, но рос он цепким и живучим, точно придорожный бурьян — буйный, колючий, дикий.

Однако за этой дикостью скрывался недетский, практичный ум. Рано познав нужду, Гоудань даже в своих шалостях преследовал чёткий расчёт.

Не так давно он своими руками, замешивая речную глину с соломой, заделал самые крупные дыры в стенах их развалюхи. Прочнее изба от этого не стала, но по крайней мере сквозняки перестали гулять из угла в угол, выстужая и без того холодное жилье.

Работать в поле ему по малолетству не полагалось, в школу он тоже не ходил — отец жалел его и даже не стал просить у старосты работу подпаска. Целыми днями Гоудань околачивался на окраинах: лазил по деревьям, разорял птичьи гнёзда, добывая пропитание, а если везло, приносил кое-какую добычу и отцу.

В таких ли условиях расти добропорядочному гражданину? Смешно было требовать от уличного беспризорника утончённых манер и высокой морали.

— Ешь давай, налегай, — Ли Сы, чьё лицо за годы каторжного труда потемнело и покрылось глубокими морщинами, ласково улыбнулся. Ему не исполнилось и сорока, но выглядел он на все шестьдесят — согбенный, иссушённый заботами мужик с вечной печатью кручины на челе.

Сейчас он беззлобно улыбался, переливая остатки похлёбки из своей миски в тарелку сына, отчего лучики морщин у глаз сделались ещё глубже.

Простоватый, не шибко смышлёный, он обладал лишь одним неоспоримым достоинством — беспредельно любил своего единственного сына.

— Не хочу, я уже бататом брюхо набил, — буркнул Гоудань, ничуть не стыдясь того, что стащил сладкий картофель у собственной бабки.

Солнце палило нещадно, в листве надсадно звенели цикады, навевая полуденную дрему. Даже куры попрятались под навесы, спасаясь от зноя. И лишь ребятишкам всё было нипочём — они с весёлым визгом плескались в неглубокой речушке у околицы.

Устроившись на развилке старого вяза, Гоудань наблюдал за их вознёй. Глупо отрицать, что ему тоже хотелось побеситься в воде, но навязываться тем, кто кривил при его виде губы,

гордость не позволяла.

«Подумаешь, велика радость!» — хмыкнул он про себя.

Гоудань бесшумно перебрался на ветку повыше. Одно резкое, выверенное движение ладони — и зазевавшаяся цикада оказалась в глиняном горшочке, подвязанном к его поясу.

Этот приземистый горшок с двумя ушками он когда-то нашёл на свалке. Продев сквозь петли бечёвку, Гоудань приспособил его для сбора лесной добычи. Наловив полную плошку цикад, он насаживал их на бамбуковые лучины и запекал на углях — лакомство выходило хрустящим и сытным.

Дождавшись, пока чужаки разойдутся по домам, Гоудань стянул латанные-перелатанные штаны, державшиеся на честном слове, и с разбегу плюхнулся в заводь. Плавал он отменно, а уж нырять и задерживать дыхание умел лучше любого взрослого.

Жаль только, речушка обмелела, а до водохранилища путь неблизкий, да и злой дед-смотритель ни за что не подпустил бы мальчишку к глубокой воде.

Потому мутный затон оставался единственной летней отрадой для деревенской мелкоты — и для Гоуданя в том числе. Вот только купался он всегда в гордом одиночестве, презирая сверстников и в то же время безумно им завидуя.

Мальчишка умел вовремя поберечь шкуру. Драться он горазд, спору нет, но лезть одному против оравы — дело гиблое, непременно намнут бока.

Мурлыча под нос духоподъёмный марш, доносившийся из репродуктора на столбе у правления, он принялся полоскать в воде свои портки. Мыла, понятное дело, не водилось. Кое-как потеряв ткань песком и выкрутив её, он решил, что к утру горный ветер высушит одежду до нитки.

Закинув мокрые штаны на плечо, он зашагал к дому, сверкая голым задом. Его мальчишеское достоинство весело болталось в такт размашистой походке.

Гоудань гордо шествовал по деревне без тени смущения. Встречные мужики, завидев это зрелище, так и покатывались со смеху.

Но тот не тушевался: упирал руки в бока и задорно огрызался в ответ, заставляя деревенских зубоскалить ещё пуще.

Впрочем, голозадыми сорванцами в Сикани никого не удивить — в летний зной детвора только так и спасалась от жары. Гоудань по местным меркам считался чуть ли не франтом, поскольку обычно щеголял в штанах, тогда как прочие оборвыши всю носились нагишом, не желая преть в дерюге.

Старшим и дела не было до ребячьего стыда. В нищих крестьянских семьях отсутствие одежды у мелюзги считалось благом: и дефицитные талоны на ткань целы, и стирки-починки бабам убавлялось.

У кого по лавкам семеро козлят сидело, те и вовсе пускали младших гулять в чём мать родила — поди накупись на всю ораву одежи.

Не будь суровых зим, местная детвора круглый год рассекала бы без портков.

— Свобода — штука знатная! — зубоскалил в ответ Гоудань. — Дяденька, а тебе слабо так же пройтись? Попробуй, сразу полегчает!

Мужики так и прыскали со смеху. Смелый да языкатый малец так потешно передразнивал взрослых, что задеть его было любимым развлечением всей округи.

Раздался дружный гогот.

— А ведь верно малец говорит, Старый Торчащий Зуб! Скидывай штаны, покажи класс!

— А ну пошли вон, охальники! — отмахнулся тот под общий хохот. — Я свои прелести только бабе своей показываю!

Толпа снова взорвалась весёлым улюлюканьем. Разговор кучки досужих мужиков быстро свернул на привычные сальности, но Гоуданю до этого уже не было дела.

Пока взрослые перемывали друг другу кости, он преспокойно скользнул в калитку своего двора.

«Глупые они все-таки, — думал Гоудань, вешая сырые штанины на верёвку. — Хлебом не корми, дай над всякой ерундой поржать»

ТЬфу, одно слово — бестолочи.

<http://bllate.org/book/19654/1950567>